

Г. Я. ГАЛАГАН

**ГЕРОЙ И СЮЖЕТ „ДНЕВНИКА ОДНОЙ НЕДЕЛИ“ РАДИЦЕВА.
ВОПРОС О ДАТИРОВКЕ**

Самоанализ героя в «Дневнике одной недели» (как явления литературы просветительской) необычен: хронологически замкнут, сюжетно однотемён, композиционно рационалистически задан и завершён. Г. А. Гуковский называет «Дневник» «психологическим очерком»,¹ Г. П. Макогоненко — «исповедью духовно потрясенной личности».²

Побудительная причина пристального анализа собственной души героем «Дневника» — неожиданное разрушение привычной (или с трудом обретенной) ситуации: его на неделю покинули друзья. С первой минуты разлуки начинается мучительное ожидание их возвращения. Драматизм состояния героя — в постоянном столкновении двух начал — веры и сомнения.

События каждого дня излагаются в их временной последовательности. Но важны они автору лишь как моменты, фиксирующие отдельные состояния героя, вернее, его расщепленного сознания, в котором степень веры и сомнения постоянно колеблется. Соотношение этих начал резко нарушает конец недели — время ожидаемой, но несостоявшейся встречи с друзьями.

Уже в записи первого дня — сомнение в искренности друзей: «О, возлюбленные мои! вы меня оставили» (I, 139). О том, что это не простая констатация факта одиночества, а именно сомнение в друзьях, свидетельствует запись второго дня: «Друзей моих нет со мною, где они? Почто уехали? Конечно, жар дружбы их и любви столь мал был, что могли меня оставить!» (I, 140). Сомнение растет, и на третий день герой отмечает: «...беспокойствие мое усугубляется» (I, 140). В тот же день герой «Дневника» смотрит драму Сорена «Беверлей», герой которой гибнет из-за предательства друга. Сюжет драмы уже давно известен герою Радицева: «...играют Беверлея, — войдем. Пролием слезы над несчастным. Может быть моя скорбь умалится» (I, 140). Именно

¹ Гуковский Г. А. Предисловие. — В кн.: Радицев А. Н. Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1938, с. XVI.

² Макогоненко Г. П. Радицев и его время. М., 1956, с. 159.

судьба Беверлея — причина интереса к драме Сорена. Закономерна и реакция героя «Дневника»: «... о! колько тяжко быть обманути теми, в которых полагаем всю надежду!» (I, 140). Ассоциативные параллели с личной судьбой продолжаются, и обращенное на себя сознание вдруг задает вопрос: «... кто же поручится мне, что и я сам себе злодей не буду? Исчислил ли кто, сколько в мире западней? Измерил ли кто пропасти хитрости и пронырства?» (I, 140—141). Коллизия сореновской драмы делает личное сомнение героя «Дневника» все более тревожным. Надежды на возвращение друзей почти не остается. Сознание дезорганизуется, и в этот катастрофический для состояния героя момент автор неожиданным вмешательством меняет русло его размышлений: «По счастью моему запутавшиеся лошади среди улицы принудили меня оставить тропинку, по которой я шел, *разбили мои мысли*» (I, 141; курсив мой, — Г. Г.).

Последствия этих ассоциативных связей были настолько велики, что на следующий, 4-й, день герой не смог поехать на службу. 5-й день ожидания — среда. Сюжет читанной в этот день книги напоминает герою счастливое прошлое, и на какое-то мгновение надежда одерживает явное преимущество над сомнением. Но сознание незамедлительно отмечает: «О мечта, о очарование! почто ты не продолжительно?». И вечер оправдывает этот страх. Герой вновь «казнится». В четверг он отправляется на Волково кладбище. Причина — желание обрести внутреннее равновесие в атмосфере, «где царствует вечное молчание, где разум затей больше не имеет, ни душа желаний» (I, 142—143). Искомое равновесие обретается, но ненадолго. Возвратившись домой, он замечает: «... никто меня не ждет. Лучше бы я там остался, там бы препроводил ночь» (I, 142). Днем в пятницу герою кажется, что оснований для веры в возвращение друзей почти нет, хотя до истечения срока их отсутствия остается еще два дня: «Ничто не помогает, — уныние, беспокойствие, скорбь, о как близко отчаяние!» (I, 142). Наступает ночь, и во сне дневное тревожное сомнение вдруг оказывается реальностью, — друзья предают героя: «... вы меня отталкиваете! вы удаляетесь, отворачивая взоры ваши! о пагуба, о гибель! се смерть жизни, се смерть души. — Куда идете, куда спешите? или не узнаете меня, меня, друга вашего? друга... Пойдите... мучители удалились». Здесь сон прерывается. Но реальность сна продолжает восприниматься как реальность действительности: «... пробудился. Вон беги, удаляйся, — се разверста пропасть, — они, они меня в нее ввергают, — оставили» (I, 142—143). Наступает суббота — последний день мучительно трудной недели ожидания, единственный, когда сомнение крадывается лишь на минуту. В воскресенье герой выезжает навстречу друзьям. Их нет, и ощущение недавнего сна становится действительностью: «Чьим верить словам возможно, когда возлюбленные мои мне данного слова не сдержали? Кому верить на свете? Все мишадось, виспад обадательный покров утех и весе-

лий; — оставлен. Кем? Друзьями <...> Жестокие, ужели толико лет сряду приветствие ваше, ласка, дружба, любовь были обман? <...> забыли меня» (I, 143—144). В понедельник и вторник надежды уже нет, и в тот момент, когда герой мысленно прощается с «вероломными» и «бесчувственными» друзьями, они возвращаются. Тема исчерпана. Дневник кончается.

Такой детальный анализ каждого дня «Дневника» под одним углом зрения сделан сознательно: важно было показать, что герой постоянно думает не о том моменте, когда вернутся друзья и кончится его одиночество, а о том — вернутся ли они вообще. Иными словами, у героя с первого момента разлуки рождается мысль о способности друзей предать его, т. е. он допускает наличие страшного порока у других. И вместе с тем не есть ли сама возможность родившегося в нем и непрестанно растущего сомнения в честности и искренности друзей — авторское обвинение самого героя? Авторскому обвинению сопутствуют неоднократные самообвинения героя. Два деятельных начала — вера и сомнение, обуславливающие двуслойность его сознания, сосуществуют. Часть сознания, питающаяся верой, стремится оборвать деятельность воображения, дающего пищу сомнению: «Несчастной! что ты произрек? Страхись!» (I, 140). Она обрывает на полуфразе стремление героя противопоставить слабостям друзей собственную добродетель и вскрывает истинную природу ее. Вот один из любопытнейших примеров: «Зовут обедать — мне обедать? С кем? одному! нет <...> Я хочу поститься. Я им принесу в жертву...». И вдруг: «...почто ты лжешь сам себе? Нет никакого в том достоинства. Желудок твой ослабел с твоими силами и пищи не требует» (I, 141). Этот пристальный и беспощадный анализ мельчайших движений чувства и сознания, внимание к совокупности всех качеств личности героя свидетельствуют о том, что в «Дневнике одной недели» Радищева «история души» — предмет художественного исследования. И метод этого исследования во многом предвосхищает толстовскую «диалектику души».

Представляется, что проделанный анализ «Дневника» дает возможность говорить об ощутимой связи этого очерка с эстетикой Руссо,³ и в частности с его «Исповедью». Непосредственные свидетельства о знакомстве Радищева с «Исповедью» неизвестны. Тем не менее из «Жития Федора Васильевича Ушакова» и «Путешествия из Петербурга в Москву» явствует, что Радищев не

---

³ О внимании Радищева к творчеству Руссо см.: *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время (по именному указателю); *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века. — В кн.: *Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы.* Л., 1967, с. 564—578; *A. McConnell A.* 1) *Rousseau and Radišev.* — *The Slavic and East European Journal*, 1964, vol. 111, № 3, p. 253—272; 2) *A Russian philosopher Alexander Radishchev.* Hague, 1964; *Witkowski T.* *Radišev und Rousseau.* — In: *Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts.* Berlin, 1963, S. 124—139.

только знал «Исповедь», но и разделял позицию Руссо — быть искренним не только в достоинствах, но и в слабостях.⁴ Целенаправленное внимание автора «Дневника» к слабостям героя тем более интересно, что датировка этого очерка до настоящего времени остается проблематичной. Любопытен, например, казус, допущенный в работе Г. Г. Елизаветиной «Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в. и А. И. Герцен».⁵ Исследовательница, относя «Дневник одной недели» к 1773 г., рассматривает его как свидетельство знакомства с «Исповедью» Руссо, которая частично была опубликована в 1782 и 1789 гг., а полностью — в 1790 г.

1773-й год как дата написания «Дневника» был выдвинут Г. П. Макогоненко.⁶ Полемизируя с П. Н. Берковым, датирующим «Дневник» началом 1790-х гг.,⁷ и Л. И. Кулаковой, относящей «Дневник» к 1790 г.,⁸ Г. П. Макогоненко упрекает их в пренебрежении реальной биографией героя повести. Непосредственным поводом для написания «Дневника», по мнению Макогоненко, послужила первая разлука Радищева с друзьями — А. Рубановским и А. Кутузовым после 11-летней совместной жизни с ними. Следуя логике атрибутов внешнего автобиографизма, Макогоненко исключает из поля зрения внутренний автобиографизм, природу драматического мировосприятия героя. Духовный опыт автора и его героя в художественной структуре «Дневника» не учитывается. Этот внутренний автобиографизм как раз и лежит в основе концепций Беркова и Кулаковой. В их системе доказательств играет существенную роль и столь важный аргумент, как стиль повести Радищева, который Берковым соотносится со стилем первого письма из печатавшихся на страницах карамзинского «Московского журнала» в 1791 г. «Писем русского путешественника», а Кулаковой — с письмами Радищева 1790 г., написанными по дороге в Илимск. По мнению Макогоненко, герой «Дневника» — «духовно потрясенная личность» и в то же время человек, не знающий своего общественного призвания, не предполагающий, в чем он осуществит себя как личность, ненавидящий одиночество, страдание, смерть. В повести, по мнению Макогоненко, Радищев стремился дать «психологическое обоснование несостоятельности теории уединения» и, полемизируя с Руссо, противопоставил уединение принципу «общезительства». Так ли это? Обратимся к тексту. Оказывается, что у героя позади горестные обстоятельства «печали и уныния», время, когда он искал убежища в одиноч-

---

⁴ О соотносении «Путешествия из Петербурга в Москву» с «Исповедью» Руссо см.: *Witkowski T. Radišev und Rousseau*, S. 128—129.

⁵ Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1967, т. XXVI, вып. 1, с. 45.

⁶ Макогоненко Г. П. Радищев и его время, с. 159—163.

⁷ Берков П. Н. «Гражданин будущих времен». — Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1949, т. VIII, вып. 5, с. 401—416.

⁸ Кулакова Л. И. О датировке «Дневника одной недели». — В кн.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950, с. 148—157.

стве; в настоящий момент в душе у него «скорбь» и «ад», он уже давно думает о смерти: «... не ты ли хотел приучать себя заблаговременно к кончине?» (1, 142). Дважды на протяжении недели у героя мелькает мысль о самоубийстве. Только ли это следствие разлуки с друзьями? Выше уже говорилось, что героя занимает не столько мысль о том, когда вернутся друзья, сколько о том, вернутся ли они вообще. И одновременно это сомнение становится объектом самообличения. Драматизм ситуации в том и состоит, что страх духовного одиночества (не следствие ли это насильственного отъединения от людей в прошлом?) и вера в силу человеческого духа сосуществуют в каждом мгновении жизни героя. Мог ли такой герой быть героем молодого Радищева? В биографии Радищева есть такой период, когда и этот внутренний трагизм героя «Дневника», и большая часть внешних фактов его жизни автобиографичны. Имеются в виду последние полтора года жизни Радищева в Петербурге — с марта 1801 по сентябрь 1802 г. Позади — заключение, ссылка, опала. В настоящем — служба в Комиссии по составлению законов; от этой службы Радищева действительно зависели «благосостояние или вред его сограждан». Живя в Петербурге, он мог быть на Волковом кладбище и посетить очередное представление драмы Сорена. В сезоне 1801 г. «Беверлей» неоднократно ставился на сцене Каменного театра. В книге В. П. Погожева, А. Е. Молчанова и К. А. Петрова «Архив дирекции императорских театров» (вып. 3, СПб., 1891, с. 151), дающей обзор репертуара по 3 февраля 1801 г., указаны две постановки «Беверлея», состоявшиеся 7 и 23 января 1801 г. Аналогичное предположение о дате написания «Дневника» высказывает и В. П. Гурьянов, которому в фондах Центрального государственного исторического архива удалось обнаружить и третью дату постановки «Беверлея» — 16 июля 1802 г.⁹

---

⁹ Гурьянов В. П. Еще раз о дате «Дневника одной недели» Радищева. — Вестн. Моск. гос. ун-та. Серия VII, 1960, № 1, с. 57—60. Одним из существенных аргументов в системе его доказательств в пользу поздней датировки (после 1780-х гг.) является указание на то, что в «Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева» (1807—1811), где впервые опубликован «Дневник», были включены только печатные произведения писателя (или неопубликованные) периода 1791—1802 гг. (за исключением «Эпитафии» — стихов, посвященных памяти первой жены писателя А. В. Рубановской, умершей в 1783 г.).